

2000 год

Современный трансформационный процесс в России

Т. И. Заславская

1. Трансформационная структура общества

Проблематика исследований современных трансформационных процессов является чрезвычайно широкой. Поэтому я остановлюсь лишь на одном, с моей точки зрения очень важном, но мало изученном вопросе. Речь идет о социально-трансформационной структуре общества и ее влиянии на ход общественных преобразований.

Изучение социальной структуры постсоциалистических обществ не случайно привлекает приоритетное внимание социологов. Ведь это – своего рода «солнечное сплетение» общества. Без ясного представления о том, как она устроена и в каких направлениях меняется, вряд ли можно эффективно решать стратегические проблемы общественного развития.

В механизме постсоциалистического трансформационного процесса изменения социальной структуры играют двоякую роль. С одной стороны, они отражают социальные результаты проведенных институциональных реформ, а с другой – предопределяют способность общества к дальнейшим социальным преобразованиям. Таким образом, изменение социальной структуры одновременно отражает как итоги закончившегося, так и «стартовые условия» предстоящего этапа преобразований. Трансформационная структура общества представляет собой как раз ту специфическую проекцию его социальной структуры, которая непосредственно отражает момент единства прошлого и будущего. В качестве ее элементов выступают такие социальные общности, взаимодействия – сотрудничество, конкуренция, борьба – которых служат движущей силой трансформационного процесса.

Трансформационная структура отражает системное качество общества, особо значимое в период крутых перемен, а именно – его способность и готовность к саморазвитию, в том числе путем радикального преобразования и обновления своих базовых институтов и социальной структуры. Это важнейшее качество общества определяется соотношением, сравнительной влиятельностью и активностью социальных сил, заинтересованных в разных сценариях общественного развития и прилагающих существенные усилия к тому, чтобы эти сценарии реализовались на практике.

2. Инновационно-реформаторский потенциал общества

Одним из важных индикаторов качества трансформационной структуры является инновационно-реформаторский потенциал общества, в котором, как в молекуле ДНК, заложено его ближайшее будущее. Этот потенциал зависит от (1) институционального устройства, (2) социальной структуры, (3) человеческого потенциала и (4) культурно-политических особенностей общества. На мой взгляд, в нем можно выделить три компонента: реформаторский, социально-инновационный и адаптационный.

Реформаторский потенциал общества определяется, в первую очередь, установками и деятельностью элит (разумеется, включая верхний слой бюрократии), т. е. групп, оказывающих целенаправленное институциональное воздействие на ход трансформационного процесса. Эти группы разрабатывают новые правила игры, облачают их в правовую форму, организуют и контролируют их выполнение, отнюдь не забывая при этом о корпоративных и частных интересах.

Социально-инновационный потенциал общества зависит в первую очередь от мощности, социального качества и характера соответствующей деятельности средних слоев, располагающих, хотя и меньшими, чем элиты и субэлиты, но достаточно ощутимыми экономическими, политическими и культурными ресурсами. Представители этих слоев – предприниматели, менеджеры, профессионалы, чиновники, старшие офицеры – реализуют открываемые реформами возможности в своей практической деятельности.

Можно назвать четыре главных сферы их социально-инновационной активности. Первой служит хозяйственное предпринимательство – от индивидуального бизнеса до деятельности гигантских корпораций, второй – преобразование институтов социальной сферы: здравоохранения, образования, науки, культуры, социальной защиты и друг. Третья сфера – обновление идеологии и культуры. Я имею

в виду деятельность ученых, журналистов, работников культуры, связанную с осмыслением происходящих в обществе процессов, поддержкой и пропагандой новых социальных ценностей, формированием компетентного общественного мнения по важнейшим проблемам развития общества и проч. Четвертой сферой является апробация новых форм самоорганизации, или формирование структур гражданского общества. С помощью этих структур первоначально рыхлая и инертная ткань общества как бы «прошивается» в разных направлениях независимыми от государства горизонтальными связями, становясь более упругой, способной к действенному отклику на воздействия извне.

Социально-инновационная деятельность средних слоев содействует укоренению устанавливаемых правящим слоем правил игры в социальной практике. Но одновременно она изменяет, корректирует и даже качественно преобразует эти правила, тем самым оказывая существенное влияние на становление новых институтов.

Что касается адаптационного потенциала общества, то он зависит, в первую очередь, от объективного положения, установок и способов действия рядовых граждан страны – крестьян, рабочих и служащих, массовой интеллигенции. Располагая очень ограниченными ресурсами, они, на первый взгляд, не оказывают самостоятельного влияния на ход институциональных реформ, нередко становясь их заложниками. Однако мнение о незначительной роли этих групп в трансформационном процессе, на мой взгляд, обманчиво.

Дело в том, что ни установление новых правил игры, ни даже освоение новых форм организации общественной жизни сами по себе не являются конечной целью реформ, а следовательно, не могут служить и главным критерием оценки их результатов. В действительности таким критерием является преобразование социальных практик, отражающих повседневное поведение не столько верхних и средних слоев общества (хотя и их тоже), сколько самых массовых социальных групп. Я имею в виду трудовые, производственные, экономические, политические и правовые практики, характеризующие реальную жизнь данного общества.

Изменение этих практик является результатом социально-инновационной деятельности и адаптационного поведения, прежде всего, массовых общественных групп. Неполнота, переходный характер и противоречивость вновь утверждаемых институтов создают обстановку, в которой индивидуальные акторы могут почти безнаказанно нарушать не устоявшиеся и слабо контролируемые нормы. Это существенно

расширяет спектр их поведенческих стратегий. В зависимости от ситуации и собственных установок они могут либо поддерживать и ускорять своей деятельностью осуществление реформ, либо саботировать новые правила, не отвечающие их интересам, либо активно формировать новые, часто неправовые нормы поведения. В условиях затухания целенаправленных реформ именно эта, на первый взгляд скромная и незаметная деятельность становится одним из главных источников как прогрессивных социальных изменений, так и стихийного развертывания общества в противоположную сторону. Мощность и конструктивность деятельностного отклика общества на осуществляемое сверху изменение правил игры – важнейший индикатор успеха (или провала) реформ.

3. Качество трансформационной структуры

Трансформационная структура общества характеризует уровень и направленность его социальной энергии, поэтому ее анализ в известной мере позволяет судить о его возможном будущем. Но изучена эта структура слабо. Правда, политические и экономические элиты, партии и общественные движения, финансово-промышленные группы, малые и средние фирмы изучаются достаточно широко. Но задача системного изучения субъектов трансформационного процесса и социальных механизмов их взаимодействия, насколько я знаю, пока не ставится. Между тем готовность и способность российского общества к эффективному продолжению и завершению демократических реформ зависит, в первую очередь, от состояния элементов и характера связей трансформационной структуры, то есть от ее качества как целого.

Это качество проявляется не столько в масштабах, сколько в преимущественной направленности социальных новаций, их содержании. Ведь социальные новации не имеют имманентно присущего позитивного знака. Они могут носить и конструктивный, и деструктивный характер, вести как к повышению эффективности, так и к архаизации или криминальному извращению институтов и социальных практик, примеров чего можно привести немало.

Политики, взявшиеся за проведение реформ в начале 1990-х гг., на мой взгляд, недооценили потенциал негативной энергии, накопленный советским обществом. Результатом ее высвобождения стал невиданной силы выброс нелегитимных и криминальных новаций. Основная активность только что вышедших из «тени» предпринимателей, не обремененных ни правовыми, ни моральными нормами, оказалась направленной не на рост производства, а на хищническое

самообогащение, в том числе ценой расхищения и разрушении общественного богатства. Обществу пришлось познакомиться с нелегальной (а иногда и открытой) торговлей невозполнимыми природными ресурсами, уникальными технологиями, секретной информацией, компроматом, оружием, наркотиками и проч. Возникли и окрепли институты бартера, неоплачиваемого наемного труда, рэкета, вооруженного бандитизма и терроризма.

Качество трансформационной структуры общества определяется широким кругом институциональных и социоструктурных факторов, на части которых я остановлюсь несколько позже. Пока же охарактеризую основные элементы этой структуры.

4. Элементы трансформационной структуры России

Трансформационная структура постсоциалистических обществ имеет два одинаково важных и относительно независимых измерения – социальное (или вертикальное) и культурно-политическое (или горизонтальное).

Первое измерение отражает иерархическую структуру общества. На его основе выделяются социальные слои, различающиеся уровнем социального статуса, масштабом и структурой используемых ресурсов, механизмами воздействия на трансформационный процесс. В основе же групп, образуемых с помощью второго измерения, лежит общность убеждений, культуры и интересов, выражающаяся в индивидуальных, групповых и коллективных действиях, сознательно направляемых или опосредованно способствующих реализации разных сценариев общественного развития.

«Пересечение» названных критериев позволяет в порядке первого приближения выделить социальные группы, играющие главные, причем существенно разные роли в процессе преобразования общества, т. е. выступающие в качестве макро-акторов трансформационного процесса. Рамки доклада не позволяют подробно осветить их особенности, а тем более – связывающие их сложные отношения. Поэтому ограничусь их краткой характеристикой в порядке убывания статуса и влияния, т. е. начиная с групп верхнего слоя и кончая социальным дном.

4.1. Верхний слой общества (элиты и субэлиты)

На мой взгляд, в составе этого слоя (охватывающего 4–5 % населения) можно выделить пять групп, существенно различающихся характером и направлениями своей трансформационной активности. Это:

А. Консервативно ориентированная часть бюрократической и

военной элиты и субэлиты. Она представлена государственными чиновниками, выполняющими наиболее важные распорядительные и распределительными функции, а также генералитетом силовых структур. Сегодня это, пожалуй, главный субъект подготовки и принятия властных решений, политического контроля и силового обеспечения их исполнения. В руках этой общественной группы формально сосредоточены ключевые управленческие функции, что придает ей огромную силу. Интересы бюрократии и силовиков традиционно связаны с усилением государства, включая его роль в экономике, упорядочением отношений между Центром и регионами, сохранением целостности России, ростом ее влияния в мире. В принципе вектор интересов этой группы сегодня более или менее созвучен интересам общества, давно мечтающего о восстановлении правового порядка. Однако демократический и бюрократический порядок – это существенно разные вещи. При отсутствии сдержек и противовесов со стороны гражданских структур (пока находящихся в зачаточном состоянии) дальнейшее усиление бюрократии, традиционно представляющей в России *мощнейшую силу*, грозит склерозированием общественного устройства и новым омертвлением едва ожившего общества. (События, связанные с НТВ, закрытие московского представительства радио «Свобода» и др.).

Б. Группа новой экономической элиты и субэлиты охватывает представителей крупного и крупнейшего капитала – «олигархов», собственников и менеджеров финансово-промышленных групп, банков, бирж, крупных предприятий и фирм. Эта группа заинтересована, прежде всего, в сохранении, легитимации и прочных гарантиях той собственности, которую она приобрела в процессе реформ, как правило, далеко не правовыми путями. В более широком плане интересам этой группы отвечают подъем российской экономики и ее интеграция в мировую систему, дальнейшее развитие рыночных институтов, укрепление правопорядка, социальная стабильность. В последнее время заметно активизировалось стремление экономических магнатов либо непосредственно проникнуть во властные структуры, либо и подчинить их своим интересам.

В. Верхушка коммунистических сил, в основном состоящая из бывшей номенклатуры, пытается представить себя борцом за народное счастье, декларирует такие близкие сердцу россиян социалистические и патриотические ценности, как коллективизм, социальная справедливость, равенство жизненных шансов, трудовой характер доходов и проч. Однако конструктивной программы преобразования

современной российской действительности у коммунистов, как известно, нет. К тому же многие представители этой группы успели обзавестись достаточно крупной собственностью, что ставит под сомнение искренность их политических деклараций. Политически более умеренная часть бывшей и современной коммунистической элиты разделяет социал-демократические ценности, связанные с идеями социального государства, смешанной экономики политической демократии. Однако в верхах нашего общества социал-демократы представлены слабо.

Г. Либеральная элита, тяготеющая к правым партиям и движениям, ратует за последовательное развитие рынка и дальнейшее ослабление государственного вмешательства в экономику. Если учесть, что в последние годы такое вмешательство осуществлялось, главным образом, средним и нижним звеньями бюрократии в их собственных коррупционных интересах, то в этом можно признать определенный резон. Однако, мелочное и деструктивное вмешательство бюрократии не следует путать с государственным регулированием макро-структурных преобразований экономики и социально-экономических отношений, возникающих в результате реформ. Такое регулирование необходимо и безусловно нуждается в усилении. В период своего нахождения у власти радикал-либералы проявили себя как недостаточно подготовленные, асоциальные и безответственные политики, что лишило их общественного доверия. Сейчас их деятельность носит разрозненный и малопродуктивный характер, и их политическое влияние невелико.

Д. Последняя по порядку, но не по значимости, часть российской элиты и субэлиты представлена лицами, активно сотрудничающими или даже принадлежащими к криминальному миру. Именно эта группа ответственна за крупномасштабное расхищение национальных богатств, незаконный вывоз российского капитала, разжигание и затягивание военных конфликтов, нелегальную торговлю оружием и наркотиками и многие другие деяния, способствующие затягиванию системного кризиса общества и препятствующие проведению требуемых реформ. Практическая безнаказанность преступлений, совершенных этими людьми, и их безбедное существование можно объяснить лишь длительным и, по-видимому, сохранившимся до сих пор сращиванием высших эшелонов власти с организованной преступностью.

4.2. Средние слои

В составе средней, или срединной, части нашего общества выделяются три больших группы, которые могут претендовать на роль элементов его трансформационной структуры. Это:

1) среднее звено бюрократии, заинтересованное в усилении и авторитаризации государственного регулирования всех сфер общественной жизни, и прежде всего экономики как источника коррупционных доходов;

2) бизнес-слой, состоящий из мелких и средних предпринимателей – собственников и менеджеров предприятий и фирм, а также профессионалов делового профиля (банковских работников, риэлтеров, коммерсантов, дилеров, брокеров и т. д.);

3) более квалифицированная, социально востребованная и в основном адаптировавшаяся к рыночным условиям часть специалистов технического, социального и гуманитарного профилей, так называемые профессионалы.

Представителям двух последних групп реформы принесли экономическую и социальную свободу, возможность самостоятельно повышать свое благосостояние и социальный статус с помощью эффективного высокопрофессионального труда. Поэтому они в основном поддерживают рыночные преобразования, сетуя, главным образом, на чрезмерные налоги, коррумпированность и произвол чиновников, недостаток государственной защиты и поддержки. Деятельность этих групп в целом способствует развитию конкурентной экономики, а также все более прочному вживлению рыночных отношений в общественный организм.

4.3. Базовый и нижний слои

Эти наиболее массовые слои объединяют более двух третей россиян. С точки зрения участия в трансформационном процессе их состав неоднороден: здесь выделяются три главных группы.

Первую составляют представители бывшего советского среднего слоя. Это массовая интеллигенция, когда-то с энтузиазмом поддерживавшая Перестройку и ставшая ее социальной опорой, а позже вытесненная номенклатурой и бюрократией из сферы политической активности. Современные ориентации этой группы разнообразны, но значительная часть ее членов тяготеет к социал-демократическим ценностям. Цель социальных преобразований в России видится им в обновленном социализме или социальном рыночном государстве.

Вторую часть базового слоя составляют относительно адаптировавшиеся к новым условиям рабочие, крестьяне и служащие, а также та часть специалистов, которой пришлось наиболее туго. Представители этой группы озабочены в первую очередь поддержанием своего личного и семейного статуса, адаптацией к новым условиям. С точки зрения общественных интересов, их адаптационные стратегии могут

носить как конструктивный, так и деструктивный характер. Преобладание того или другого типа массовых поведенческих стратегий влияет на результаты трансформации общества, хотя большинство относящихся к этой группе акторов вряд ли отдаст себе в этом отчет и имеет четкие политические взгляды. Их поведение носит прагматический характер и преследует преимущественно частные интересы.

Третья группа объединяет наименее образованных, социально слабых представителей базового и нижнего слоев. Она составляет примерно четверть россиян и может быть названа консервативно-периферийной. В нее входят люди, не сумевшие адаптироваться к общественным переменам, частично из-за ограниченности личных ресурсов, частично же потому, что им оказались чужды индивидуалистические ценности успеха, самостоятельности, ответственности и риска. Они по-прежнему ориентируются на помощь государства и, не получая ее, испытывают лишь растерянность, тревогу и страх.

4.4. Андерслоу, или социальное дно

Помимо названных мною слоев в российском обществе существует обширное социальное дно, разделяющееся на две больших группы.

Первой является люмпенизированная маргинально-периферийная группа, представители которой в целом не нарушают законов (во всяком случае, злостно), но социально и культурно отчуждены от «большого общества» и, в свою очередь, им отвергнуты. В этой среде преобладают регрессивные, деградиционные способы поведения, чреватые потерей социального статуса, самоизоляцией, разрывом социальных связей, примитивизацией образа жизни. Будучи поставлена на порог выживания, эта группа служит питательной средой и ресурсной базой преступности.

Другую часть социального дна составляет широкое основание криминального мира, о верхушке которого я уже говорила. Его составляют люди, занятые сравнительно мелкой и исполнительской криминальной деятельностью. Многие из них участвуют на второстепенных ролях в организованной преступности. Расширяющееся криминальное дно, быть может, не очень заметно, но неуклонно подтачивает моральные, правовые и институциональные основы общественной жизни. Своей деятельностью оно наносит обществу большой вред, подрывая веру большинства населения в возможность наведения порядка и установления хотя бы какой-то справедливости.

Таковы основные элементы трансформационной структуры современной России. На мой взгляд, даже простой их перечень говорит о ее не слишком высоком качестве. Для более надежной ее оценки надо

знать количественное соотношение формирующих ее групп, их реальные (не декларативные) социально-политические установки, имеющиеся у них экономические и властные ресурсы, а также характер и механизмы их взаимодействий друг с другом. Чтобы все это выяснить, требуются специальные эмпирические исследования. Свою же задачу я пока ограничиваю привлечением внимания научной общественности к этой теоретически и практически актуальной проблеме.

5. Факторы динамики трансформационной структуры

Общение с российскими реформаторами начала 1990-х гг. убедило меня в технократическом типе их мышления. На мой взгляд, они не только не понимали, но вовсе не стремились понять социальные механизмы преобразования общества, полагая, по-видимому, что обладание политической властью позволяет делать с обществом все, что считаешь нужным. Особенно же насильно тащить его к «счастью», разумеется, в понимании реформаторов. Реализация такой политики привела к резкому обострению социальных проблем, которое реформаторам следовало бы воспринять как сигнал о необходимости изменения политики. Но они оценили возникшее социальное недовольство лишь как досадную помеху к осуществлению своих макроэкономических замыслов. Экономическая стратегия ни одного из правительств ельцинского периода не включала социальной политики, учитывавшей интересы народа. Фактические же сдвиги в его положении отражали не заранее планировавшиеся результаты, а лишь побочные последствия реформ, носивших принципиально асоциальный характер.

Последовавшее затем переключение внимания власти с реформ на решение текущих проблем стабилизации экономики, латание разнообразных дыр, межгрупповую борьбу и укрепление личных позиций, в конце концов, привело к потере стратегических ориентиров. Российское общество, застрявшее между двух социальных систем, стало объектом неуправляемого развития, что оказало разрушительное влияние как на его институциональную систему, так и на многие стороны социальной структуры.

Так, либерализация механизмов восходящей социальной мобильности обусловила приток в верхние слои более дееспособных и квалифицированных людей. Но, во-первых, после всплеска восходящей мобильности в 1991–1993 гг. верхние слои общества стали все больше закрываться для пополнения свежими силами «снизу», так что оно почти прекратилось. Во-вторых же, произошла делегитимизация этого процесса, в результате которой правящая элита пополнилась массой случайных людей, включая выходцев из криминальной среды.

Отсюда ее низкое социальное качество как субъекта стратегического управления обществом.

Многokrратно усилилась социальная и культурная поляризация верхов и низов. Квинтильный коэффициент дифференциации доходов (отражающий соотношение доходов верхней и нижней 20-процентных групп по доходам) возрос с 2,5–3 раз в конце 1980-х до 7–9 раз в настоящее время. Зона бедности за это же время расширилась с 18 до 40–50 %. Усилились процессы люмпенизации и социального исключения слабых групп населения, резко расширилось социальное дно.

Существенно ослабела (даже в сравнении с советским временем, когда она тоже была не достаточной) зависимость доходов от способностей, личных усилий и качества труда работников. По данным социологов, эту зависимость ощущают лишь 7 % россиян. Примерно такая же доля их верит, что добросовестная квалифицированная работа может служить дорогой к жизненному успеху. Теперь в качестве главных факторов успеха чаще всего рассматриваются богатство и связи. Усилилась и роль таких прескриптивных демографических признаков, как пол, возраст, состояние здоровья, этническая принадлежность.

Менее эффективно используется трудовой, квалификационный и интеллектуальный потенциал общества. Широко распространена безработица (особенно в малых городах и селе), натурализовались и архаизировались многие производственные и социально-экономические практики.

В сфере образования борются две не уравнивающие друг друга противоположных тенденции. В мегаполисах, столичных и преуспевающих регионах, крупнейших городах, а также частном секторе экономики растет потребность в высококвалифицированном труде, спрос на профессионалов высокого класса, свободно владеющих иностранными языками, компьютером, умеющими использовать интернет, общаться на равных с иностранными коллегами. Это формирует значительный спрос молодежи на высококачественное обучение, что, в свою очередь, стимулирует совершенствование системы образования.

Однако в основной части страны – провинции, периферии, сельской местности, а также в бюджетных отраслях экономики, – квалифицированные кадры не находят себе применения, и система образования разваливается. Впервые за многие десятилетия уровень всеобщего обязательного образования снижен с 11 до 9 лет, причем заметная часть подростков покидает школу, не закончив 9 классов. Эта тенденция угрожает снижением человеческого потенциала общества, высоким уровнем которого не без основания гордилась Россия.

Наконец, усилилась мозаичность социальной структуры. В частном и государственном секторах экономики, в разных отраслях, финансово-промышленных группах, регионах действуют относительно автономные, независимые системы социальной стратификации и мобильности. Это разрушает традиционные институты восходящей мобильности через такие каналы, как повышение образования, рост квалификации, накопление профессионального опыта, которые прежде играли роль сита, пропускающего «наверх» наиболее способных, знающих и предприимчивых граждан. Понятно, что все эти тенденции отрицательно повлияли на трансформационную структуру общества.

Подытоживая, можно сказать, что за годы реформ российское общество не только не решило жизненно важных для него проблем, но и не приобрело тех качеств, которые сделали бы его более сильным и действенным субъектом социальных преобразований. Для этого ему не хватает, во-первых, социальной и культурно-политической интегрированности и, во-вторых, социального здоровья, жизненной активности или, если воспользоваться термином Гумилева, пассионарности. Социальное настроение россиян за 10 лет реформ ухудшилось, у них накопилась большая усталость, катастрофически упало доверие к институтам власти (исключение – феномен Путина), исчезла какая-либо уверенность в будущем, возникло массовое разочарование в либерально-демократических ценностях. В результате большинство населения стало рассматривать реформы как чуждые и враждебные своим интересам. Наблюдавшаяся в начале 1990-х гг. готовность участвовать в социальных преобразованиях сменилась ностальгией по прежней системе. Иными словами, инновационно-реформаторский потенциал нашего общества не только не возрос, но и заметно снизился.

6. Пути совершенствования трансформационной структуры

Все это означает, что в стране за прошедшие годы так и не успел сформироваться социальный макросубъект, не только заинтересованный в завершении демократических реформ, но и достаточно интегрированный и мощный, чтобы решить эту задачу практически.

В силу этого основным (если не единственным) субъектом стратегических преобразований, необходимых для преодоления кризиса, остается правящая элита, по-прежнему социально противопоставленная обществу, не привыкшая вести с ним диалог и действующая в своих интересах. Но ее возможности ограничены. Своими собственными силами она, в лучшем случае, в состоянии перестроить формально-правовую верхушку институтов власти и собственности, не затрагивая их социокультурного основания, реализующегося в конк-

ретных практиках. Для того же, чтобы реально задействовать новые институты и заставить их эффективно работать, требуются усилия всех слоев общества. Значит, наряду с проведением экономических и иных реформ необходимы специальные меры, направленные на расширение социальной базы преобразований. Я вижу три связанных с этим задачи, потенциально адресованных соответственно верхнему, среднему и базовому слоям общества.

Первая – и наиболее трудная – связана с легитимизацией властно-управленческой деятельности элиты в глазах общества. Чтобы восстановить его доверие к власти, необходимо обеспечить строгую и неуклонную ответственность ее представителей как за прямые результаты, так и за косвенные последствия принимаемых и реализуемых решений. В настоящее время такой ответственности нет, и позитивных сдвигов в этом направлении не видно (пример «Курска»).

Нужно последовательно добиваться фактического (а не формального) отделения власти от бизнеса, преодолевать прямую и очевидную зависимость органов правосудия от исполнительной власти, последовательно бороться с «телефонным правом», избирательным применением мер пресечения и наказания, коррупцией и противоправными практиками в самой системе правосудия. На мой взгляд, это единственный путь к преодолению пропасти между народом и властью.

Вторая задача – создать, наконец, благоприятные условия для становления и развития средних слоев путем институциональной, финансовой и информационной поддержки мелкой и средней предпринимательской и иной социально-инновационной деятельности в реальной и социальной сферах экономики. Не менее важно и содействие развитию и активизации структур гражданского общества.

Наконец, для повышения общественной активности наиболее массового базового слоя общества необходимо улучшить его социально-экономическое положение, в первую очередь упорядочить и придать правовой характер отношениям в сфере труда и занятости. Ведь именно они определяют уровень, образ и качество жизни большинства россиян. В настоящее время значительная часть трудовых практик носит неправовой характер, в результате чего ущемляются интересы, с одной стороны, работников наемного труда, а с другой – государства. Необходимо не на словах, а на деле гарантировать конституционные социально-экономические права трудящихся как в государственном, так и в частном секторах экономики, содействовать развитию отношений социального партнерства труда и капитала, сокращению безработицы и проч.

Решение этих, безусловно сложных, задач возможно лишь при условии, что власть захочет и сумеет изменить свои отношения с обществом и приложит к этому достаточные усилия. Сейчас новому Президенту России доверяют почти три четверти граждан. Однако, по мнению социологов, это – не рациональная реакция населения на совершаемые Президентом поступки и действия, а скорее концентрированное выражение надежды изверившегося в своем будущем и отчаявшегося народа. Длительное сохранение такого доверия могло бы заметно облегчить и ускорить процесс оздоровления нашего больного общества, решение стоящих перед ним проблем. Но для этого требуются такая честность и открытость по отношению к россиянам, которой ни Президент, ни Правительство пока не проявляют. Как содержание, так и мотивация предпринимаемых властью действий должны носить прозрачный характер, принципиальные решения – обосновываться, разъясняться и обсуждаться, а неизбежные ошибки – признаваться и подвергаться самокритичному анализу. Необходима и стратегическая программа, цель которой была бы близка и понятна широким массам, а средства – легитимны и реалистичны.

Вопрос, следовательно, заключается в том, найдутся ли у российской элиты требуемые волевые, интеллектуальные и нравственные ресурсы. Ответить на него нелегко, на самом деле это может показать только будущее. У меня некоторая надежда на движение в желаемом направлении есть, но, на мой взгляд, она довольно хрупка.